

Фан Цинчи вошел в комнату и осмотрелся. Письменный стол и стулья из золотистого наньму, на стенах висели картины известных мастеров. Маленький круглый стол с красной поверхностью и серебряными узорами изображал орхидеи, символизируя благородство. У резного окна стоял мягкий диван для отдыха, а у стены — резная консоль с древней цитрой и коричневой курильницей, из которой поднимался аромат агарового дерева.

Глаза Фан Цинчи светились восхищением. Всё здесь говорило о высоком вкусе хозяина, который явно не был обычным человеком.

Гу Шаобай сам заварил чай и налил чашку Фан Цинчи, поставив её на стол:

— Брат Фан, простите за бестактность, но что именно произошло?

Фан Цинчи, поднимая чашку, улыбнулся и спокойно ответил:

— В детстве я был обручен с дочерью семьи Сяо. Позже моя семья пережила несчастье, родители умерли, и я не хотел обременять её, поэтому пришел, чтобы расторгнуть помолвку. Но господин Сяо подумал, что я пришел требовать исполнения обещания, и без разговоров выгнал меня...

Он помешал чай и тихо добавил:

— Может, это и к лучшему...

Гу Шаобай сказал:

— Брат Фан, не обращайте внимания. Такие люди, которые преклоняются перед сильными и унижают слабых, встречаются часто. В мире много хороших людей, и вы обязательно встретите свою судьбу.

Фан Цинчи усмехнулся:

— Господин Гу, разве я выгляжу как человек, который не может смириться?

Он сделал глоток чая и добавил:

— Господин Гу, мы с вами сразу нашли общий язык. Давайте обращаться друг к другу по именам. Я просто воин, не будем слишком формальны.

Гу Шаобай хотел ответить, но увидел, как Миньюе выглядывает из-за двери. Он вспомнил, что утром поручил ему выяснить кое-что, и быстро встал:

— Цинчи, Цююэ скоро подготовит западную комнату, вы можете спокойно остаться здесь. Я позже зайду к вам.

Фан Цинчи кивнул и продолжил пить чай. Гу Шаобай вышел во двор, где его ждал Миньюе. Увидев его, слуга тут же подошел и шепнул:

— Молодой господин, семья князя Юй заперта в Императорской тюрьме, ожидает суда Трех Ведомств.

Гу Шаобай нахмурился:

— В Императорской тюрьме? Ты узнал, как поживает наследник? Он с детства слаб здоровьем,

если заболит там... что с нами будет?

Миньюе скривился, лицо его сморщилось как орех:

— Молодой господин, похоже, на этот раз князь Юй действительно обречен. Я потратил много серебра, но ничего не узнал. Говорят, семья князя изолирована, и даже спросить о них опасно — могут заподозрить в соучастии.

Гу Шаобай сжал кулаки, только и мог, что ненавидеть себя за то, что не переродился раньше, в десять лет, чтобы предотвратить все беды. Теперь он мог лишь беспомощно волноваться. В прошлой жизни наследник князя Юй, Му Люнянь, тяжело заболел в тюрьме и умер в ссылке. Тогда Гу Шаобай долго горевал, плача в объятиях фальшивого Чжоу Фэна.

Миньюе ушел, а Гу Шаобай долго сидел на мраморной скамье в саду. Му Люнянь был его единственным близким другом — образованным, талантливым и любимцем князя Юй. Но в королевских семьях всегда шла борьба за власть. В десять лет наложница князя попыталась отравить Му Люняня, чтобы её сын стал наследником. Хотя его спасли, здоровье было подорвано, и с тех пор он часто болел.

На закате небо окрасилось в золотистые тона, и свет заката отразился в темных глазах Гу Шаобая. Он глубоко вздохнул, его стройная фигура окуталась мягким светом, но в глазах появилась решимость. Он должен был спасти Му Люнянь, хотя бы ради их дружбы.

В прошлой жизни он смотрел, как всё рушится, но теперь не мог позволить этому случиться снова.

Он должен был бороться!

Ночью пошел весенний дождь, капли стучали по ступеням.

В комнате горела лампа с красным абажуром, освещая стол с красным листом бумаги, на котором было написано: «Брачный договор». Фан Цинчи сидел спокойно, держа угол бумаги, с легкой грустью на лице.

Гу Шаобай вошел с белой фарфоровой чашей. Увидев его, Фан Цинчи хотел встать, но Гу Шаобай жестом остановил его. Он поставил перед ним чашу с кашей из лонгана и лотоса:

— Цинчи, я заметил, что ты мало поел за ужином. У тебя нет аппетита? На кухне приготовили эту кашу, я принес тебе. Ешь, пока горячая.

Фан Цинчи взял чашу, чувствуя, что слова благодарности будут лишними, и быстро съел всё. Гу Шаобай посмотрел на стол, не касаясь болезненной темы:

— Цинчи, тебе нравится эта комната? Если что-то нужно, скажи Цююэ или мне.

Глаза Фан Цинчи отражали свет лампы, его лицо слегка покраснело. Он посмотрел на Гу Шаобая и искренне сказал:

— Шаобай, спасибо. Мы чужие, а ты принял меня. Ты мне доверяешь? Не боишься, что я могу быть злодеем?

Гу Шаобай улыбнулся, его глаза сузились:

— Если ты окажешься злодеем, это моя вина, что я не разглядел тебя...

«Я просто не верю, что в этой жизни меня снова постигнет неудача».

Фан Цинчи улыбнулся, снял абажур и поднес красный лист к свече. Огонь быстро охватил бумагу, и он бросил её в жаровню. Красная бумага превратилась в черный пепел, искры зажгли его сердце.

Весенний день был прекрасен, и Гу Шаобай был полон энергии. Он потратил целый день на создание вертикальной пейзажной картины и отнес её Го Шэню, прося помочь узнать новости о князе Юй и позаботиться о Му Люняне. Го Шэнь охотно согласился — как сын главы Палаты Дали, он имел множество связей.

В темной комнате горела одна свеча, освещая непристойную сцену.

Голый мужчина средних лет тяжело дышал, его движения сопровождались скрипом кровати и стонами женщины.

Мужчина, как дикий кабан, яростно двигался, а женщина, обнимая его, стонала.

В самый напряженный момент кровать не выдержала и с грохотом развалилась, серый полог упал на них, подняв облако пыли.

Мужчина с трудом освободился и зажал женщине рот:

— Тише!

Кашель застрял у неё в горле, и она чуть не задохнулась.

В это время за дверью слышались шаги, и кто-то постучал:

— Управляющий Ли, управляющий Ли!

Мужчина сделал знак женщине молчать и ответил:

— Кто там?

— Это стражник Ван Датоу. Я услышал шум и пришел проверить.

— О, эта кровать старая, неожиданно сломалась.

— Нужно принести другую?

— Завтра. Сейчас поздно, не беспокойте господ.

Шаги удалились.

Женщина, тяжело дыша, выругалась:

— Ли Цзюнь, ты, чертов ублюдок, чуть не задушил меня!

Ли Цзюнь успокоил её:

— Моя дорогая Чжэньхэ, если бы я тебя задушил, кто бы меня так радовал!

Эта женщина была второй женой Гу Цзюньсюаня, Ли Чжэньхэ. Она улыбнулась, довольная обращением, и с легкой тревогой сказала:

— Цзюнь, когда же мы перестанем прятаться?

<http://bllate.org/book/16730/1538490>